

Николай Николаевич Верёвочкин – известный писатель, художник-карикатурист, журналист. Лауреат литературной «Русской премии» (2005), финалист премии «Ясная Поляна» (2007), лауреат конкурса Фонда «Сорос-Казахстан» в номинациях «Современная пьеса» («Ковчег-транзит, или Время строить жильё») и «Современный роман» («Зуб мамонта»). Автор книг «Место сбора при землетрясении», «Городской леший, или Ероха без подвоха», «Человек без имени», «Белая дыра», «Рогатая Мать-олениха» и многих полюбившихся читателям «Простора» повестей и рассказов. Публиковался в журналах «Нива», «Дружба народов», «Книголюб», «Мусагет», «Наша улица» и других.

Мы поздравляем нашего постоянного автора с 75-летием, желаем творческого долголетия, семейного благополучия и новых замечательных книг.

Николай ВЕРЁВОЧКИН ТЕМНЫЙ ГЕНИЙ

Нина Петровна катила за собой коляску для продуктов. Колесики ритмично постукивали по брусчатке. Размер совпадал с бунинским «Лес, словно терем расписной – лиловый, золотой, багряный...».

Городская улица действительно напоминала сонную лесную просеку.

Если бы не машины.

Осень укутала город золотым окладом плотной листвы, за которым не было видно домов.

И ни одного желтого листика на земле.

На душе было торжественно и печально.

Когда и как, размышляла Нина Петровна, превратилась она из строгой и стройной женщины в старушку – божий одуванчик? Ведь был же день, час и миг этого превращения. Возможно, в тот час, когда купила эту коляску для продуктов?

Пришла и моя пора листопада.

Нина Петровна была слишком строга к себе. Есть женщины, которые никогда не становятся старушками. Достигнув определенного возраста, они до конца остаются женщинами преклонных лет. Но тем тяжелее переживается ими вечная трагедия старения.

В коляске, которую тянула за собой Нина Петровна, были перевязанные бельевой веревкой холсты на подрамниках. Картины её мужа, умершего пять лет тому назад от рака простаты. Малая часть его работ.

Они долго пылились под кроватью, в шкафах, на шкафах и за шкафами, на антресолях и балконе. Всякий раз, натыкаясь на них, она испытывала неприятное чувство старой обиды и в то же время свежей вины.

Она пыталась передать заботы по сохранению картин детям.

Но они отказывались от работ отца. И делали это с пугающей её злостью. Особенно старший сын.

– Что же им, так и пылиться под кроватью? – спрашивала растерянно Нина Петровна.

– Какая разница, где им пылиться, – отвечал Влад с неприятной усмешкой, – под твоей или под моей кроватью? Выбрось их на помойку. Духа не хватает? Хорошо. Приду – выброшу этот хлам.

– Ну что ты такое говоришь, – пугалась Нина Петровна. – Как можно такое говорить? Человек отдал этому жизнь.

– Отдал жизнь? Чью? – спрашивал сын с отвратительным сарказмом. – Человек жил в свое удовольствие. Да, жертвуя жизнью. Но не своей. Твоей. Моей. Светкиной.

– Что поделаться. Все гении эгоисты.

– Возможно, все гении эгоисты. Но не все эгоисты гении. Есть еще и самолюбленные бездарности.

– Нельзя так говорить об отце.

– Отец? Да уж лучше бы его не было.

Нина Петровна пыталась хотя бы часть картин отдать дочери.

– Ты посмотри – одни голые стены. Отчего бы не повесить картину отца? Комната смотрелась бы совсем по-другому. Уютнее.

– У меня от его картин болит голова, – отказывалась от дара Светлана. – Ты знаешь, я пробовала. От них исходит темная энергия. Это картины вампира. Извини, я не хочу, чтобы у моих детей тоже болели головы.

– Что за предрассудки?

– Предрассудки? Отчего же ты не вешаешь?

– Повешу. Вобью гвоздь и повешу.

И Нина Петровна, преодолев необъяснимое чувство брезгливости, развесила по стенам картины. В основном натюрморты. И автопортрет.

Дочь была права. От этих полотен исходило нечто, что беспокоило Нину Петровну. В полотнах, несомненно, жила тонкая душа художника – темная, надменная, тщеславная и завистливая.

Нина Петровна потеряла сон. Её мучили головные боли и беспричинный страх. Она не то чтобы боялась умереть, но её тревожили мысли о том, что станет с её квартирой и картинами, наполнявшими её. Придут дети, не простившие отца, и вынесут всё вон как ненужный хлам. И все эти живописные полотна, акварели, рисунки, наброски будут лежать на помойке. И по ним будут ходить чужие, равнодушные, озабоченные своими проблемами люди с мусорными ведрами, не замечая, что топчут чью-то жизнь, мечты и надежды. Она уже видела это в послевоенные времена, времена всеобщего вдохновенного предательства, когда город, уезжая на «исторические родины», покидали знакомые и соседи, а возле помоек лежали развалы брошенных книг и россыпи писем. И она, вынося мусор, тоже ходила по чужим письмам. По чужим отношениям, тайнам и чувствам.

Всё повторится. И придет дворник Петрович с лицом актера Смоктуновского, сложит полотна, предварительно переломав подрамники, в кучу и подожжет.

Её долг спасти картины. Картины, которые никому не нравятся. И именно поэтому их так жалко. Она их, конечно, будет хранить, рассовав по укромным углам, как бурундук орешки, но рано или поздно её не станет. Она должна позаботиться о них, пока жива.

Нина Петровна сняла со стен картины, оставив лишь автопортрет.

Автопортрет она снять не решилась. Попыталась, но не смогла.

Ей вдруг стало совестно под взглядом человека, который принес ей столько страданий. Он смотрел на нее с презрительным укором. С трудом отрывая глаза от портрета, она думала: а ведь я ничего не знала, не знаю и не буду знать об этом человеке. Что для него были эти никому не нужные картины? Что заставляло его тратить свою жизнь на бесполезное дело? Но ведь он находил в этом смысл. Не может быть, что всё это напрасно, что всё это никому не нужно.

Чужие глаза её мужа смотрели на нее с сочувственной усмешкой. Напрасны не только его труды. Но и её обиды, страдания. Однако же были и светлые минуты...

Правда, сразу и не вспомнишь.

Нина Петровна решила раздарить картины знакомым.

И начала с квартиры напротив.

Унылое и дряблое лицо соседки содрогнулось от изумления, и в потухших глазах её засветились огоньки подозрения. Но женщина сделала одолжение, когда Нина Петровна, смущаясь, объяснила, что на днях годовщина смерти Стаса, и она бы хотела, чтобы о нем помнили люди, которые его знали...

А через три дня она увидела эту картину, прислоненную к стволу карагача, рядом с тремя контейнерами для мусора. Видно, не определился человек, в какой из контейнеров следует выбрасывать произведения искусства.

Вид сиротливой картины под морозящим дождем вызвал в душе Нины Петровны всплеск материнской жалости. Она почувствовала себя кукушкой, подкинувшей своего птенца в чужое гнездо. Стыдясь своего поступка, она подобрала полотно и принесла в дом.

Ей хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями. Но делиться было не с кем. Все близкие и знакомые давно покинули город, а те, кто остался, или умерли, или состарились. То есть стали совершенно другими людьми. Всё равно, что умерли.

Единственно, с кем она могла поделиться, была Чапа. Дворняжка, которую она подобрала на улице ровно пять лет тому назад сразу после похорон мужа.

Утром и вечером вместе с Чапой они гуляли вдоль Весновки, но с другими собачниками близко не сходились, поскольку Чапа была существом крайне ревнивым, скандальным и недоверчивым. Но однажды они встретили женщину аристократической внешности с беспородной дворняжкой. Дворняжку звали Чита. Была она воспитана и чопорна. Но Чапа обнаружила в ней родственную душу. Женщины были вынуждены познакомиться. И оказалось, что и у них тоже родственные души и похожие судьбы.

– Вы мне посланы богом, – сказала Нина Петровна, узнав, что Вера Константиновна служит смотрителем в музее искусств.

Она пригласила новую подругу на чай, и разговор получился столь задушевым, что стало ясно: чаем не обойтись. Особенно после того, как, внимательно ознакомившись с пыльными картинами, Вера Константиновна задумчиво сказала:

– Ваш муж был гением. Но не тяжело ли Вам жить среди этих картин?

Нина Петровна достала из серванта прошлого столетия коньяк пятилетней выдержки. Собственно, сам коньяк имел восьмилетнюю выдержку, пять лет он пролежал в серванте. И это характеризовало не столько коньяк, сколько саму Нину Петровну.

– Боже, какой чудный стол! – в умилении всплеснула руками Вера Константиновна, да так и застыла в позе восхищения на протяжении монолога: – Возможно, такой же стол был у Льва Толстого. Что-то есть колдовское в этих старинных вещах. За каждым из них своя история. Своя тайна. Они передавались из поколения в поколение вместе с преданиями. Вы не находите, есть какая-то связь между преданиями и приданым? С этим столом, наверное, связано много радостных и печальных событий, переживания, чувства, поэзия? Он свидетель детства, юности, зрелости и угасания многих поколений. А за современными вещами не стоит ничего, кроме моды. мода сменилась – выбросили. Они меняются, как зубная паста. Как настенные календари. Пролистал – выбросил. Купил новый. За ними нет ни истории, ни тайны. Ни поэзии. Антикварные вещи и современная мебель – всё равно что старинные полотна и современные картины. Разве можно сравнить, скажем, портрет предка с модным, под цвет штор, пятном на стене?

– Сознайтесь, Вера Константиновна, в юности Вы писали стихи.
– В этом легко признаться. Труднее сознаться в том, что и сейчас я пишу.
– Этот стол достался мне в наследство от папы. Мне кажется, что Стас сделал мне предложение, когда увидел его. Этот стол он любил больше, чем меня. Они были пожилыми, но женщинами, и разговор зашел не столько об искусстве, сколько об отношениях.

– Вы любили его? – спросила новая подруга.

Лицо Нины Петровны вспыхнуло робким румянцем от коньяка и воспоминаний:

– Да, я вышла за него по любви. Но за что я его любила? Ведь я ничего о нем не знала.

– Может быть, именно потому, что ничего о нем не знали, – вставила, как бы подумала про себя, новая подруга.

И так хорошо и вовремя это прозвучало, что почувствовали они себя сестрами, у которых не было тайн друг от друга.

– Вы даже не представляете, что это была за жизнь. Говорят, со временем забывается всё плохое и помнится только хорошее. Я, наверное, ненормальная, но ничего, кроме обид, не помню. Знаете, он же меня под старость бросил. Ушел к женщине на тридцать лет моложе его. Глупой девчонке, которая ничего о нем не знала. Кстати, забрал с собой этот стол. Сказал, что за тридцать лет этот стол стал частью его. Или он стал частью стола. Не помню. Но представляете мою обиду: столу, в отличие от меня, он изменить не мог. И, знаете, эта последняя измена – не с молодой женщиной, а с этим древним столом – принесла мне некоторое облегчение. Я сказала: забирай и уходи.

Не о чем было жалеть. Он жил только для себя. Приходит с работы: «Мать, жрать!» Ел быстро, жадно, некрасиво. Поест и запрется в своей комнате. Рисует, пишет стихи. И не дай бог муха зажужжит. Дети, когда были маленькими, пытались проникнуть в запретную комнату. Боже, как он на них кричал! Сынишка, ему тогда годика четыре было, как-то прокрался. Увидел холст, испачкал ручки в краске и оставил свои каракули. Другой бы отец увидел в этом зачатки таланта, раннее призвание, обрадовался бы, повесил первое произведение сына на стену перед собой. Подарил бы цветные карандаши, блокнот. А этот? Как он на него орал! Вытолкнул из комнаты: «Вон! Чтобы я тебя больше не видел!» И замок в двери своей комнаты врезал. Малыш долго заикался. Стас жил так, будто у него не было детей. В лучшем случае он относился к ним, как к домашним животным – кошкам, комнатным собачкам. Кстати, ни собак, ни кошек он не любил. Приходит с работы, ест, запирается в своей комнате и творит. Да, перед этим он переодевался. Свежая рубашка, шейный платок, блуза из мягкого вельвета, вельветовые же брюки и туфли. Он был очень красив. Знаете, чеховская борода. Львиная грива. Помните портрет Рубинштейна? Серебряная с синевою. За ногтями ухаживал. За лицом. У него кремов было больше, чем у меня. А голову как он держал! С дворянским достоинством. Хотя в родне дворян не было. Иногда он звал меня, показывал новую картину или читал новое стихотворение и спрашивал, что я об этом думаю. В живописи я не очень разбираюсь, но поэзию всегда любила. И поначалу я делилась своим мнением. «Дура, что ты в этом понимаешь!» – вот что он отвечал мне.

– Вы говорили, по основной профессии он был архитектором?

– Да, он так представлялся, знакомясь. И общался больше с архитекторами. Но на самом деле окончил обычный строительный институт. Работал в главке, составлял нормы, допуски, контролировал строительство. Я, представьте себе, тоже строитель. Но работала прорабом. Была занята на стройке, а не в конторе. И уставала не меньше его. Но относился он ко мне, как к крепостной кре-

стьянке. По дому он вообще ничего не делал. Представьте себе, ни разу не вбил гвоздь в стенку. Я с этим прекрасно сама справляюсь. Но дело не в этом. Всё было на мне – дом, дети. Ясли. Детсад. Школа. Магазины. Кухня. Ремонт. Всё. А у него всегда был чистый, отглаженный костюм, свежая рубашка. И ни разу я не услышала от него спасибо. Со своей зарплаты откладывал деньги на отпуск. Поленово, Пушкинские места, Шахматово, Эрмитаж. Когда появилась возможность выезжать за границу, колесил по Европе. Совершил паломничество в Италию. Флоренция, Венеция, Рим – земля обетованная искусства. Потратил, между нами, часть сбережений, которые мы откладывали на квартиру для сына.

– Вы сказали, он ушел от вас. Ушел и оставил картины?

– Да, ушел. О картинах сказал: пусть пока полежат у тебя. Всё наладится – заберу. Не наладилось. Два года о нём ничего не было слышно. Потом позвонила она: заберите его, он умирает.

– И вы забрали?

– А куда бы я делась? Все средства ушли на лечение. Сделали операцию, но было уже поздно. Он еще год на обезболивающих уколах прожил. А она даже на похороны не пришла. Я позвонила ей, когда он умер. Ни слова сожаления, хотя бы для приличия. Она сказала: заберите стол, полквартиры занимает, не вернуться. А на похороны никто из знакомых не пришел. Я, дети и люди из похоронного бюро. Дети молчали. А на обратном пути дочь сказала: «Мне стыдно, но у могилы я вспомнила лишь брошенного котенка со слезящимися глазами. Я спросила разрешения взять его домой, а он отшвырнул котенка носком ботинка. Помню, позвонил дядя Федя, спросил отца. Я ответила: “Папа спит. Папу проснуть?” Я так рада была обрадовать папу. Толкну его: “Папа, папа! Дядя Федя!” А он спросонья наотмаш... Как котенка. Мне очень стыдно, но ничего хорошего о нем я вспомнить не могу». У него не было и не могло быть друзей. Для него кроме «творчества» ничего и никого не существовало. Ни меня, ни детей, ни друзей. И ту женщину, к которой он ушел, Стас тоже не любил. Но что мог создать человек, который никого не любил? Что такое искусство, в котором нет любви? Как думаете, есть в его картинах хоть что-то? Ван Гога ведь тоже при жизни не признавали. Мне даже представить страшно, что в них ничего нет. Значит, всё зря. Всё напрасно. Человек потратил на это всю жизнь, а это никому не нужно.

– Никто не знает, что нужно, чего не нужно. Главное – искренне передать свои чувства. Свою душу. Темная душа? Ну, какая есть. Я познакомлю вас с искусствоведом. Только знаете, никто вам не скажет, есть в этих картинах что-то или нет. Мне иногда кажется, что искусство, особенно современное, как бы вам это сказать... Его нет. Есть только разговоры об искусстве. Мнения. И ничего больше. Мне кажется, эти картины музей возьмет. Полежат в запасниках, и, может быть, когда-нибудь их откроют заново. Только я должна вас предупредить – у музея нет денег.

– Какие деньги? Что вы! Бог с вами. Для меня одно то, что они будут пристроены, уже груз с души. Давайте пригласим вашего искусствоведа на чай.

– Странно. Неужели у вашего мужа не было друзей?

– Ему некогда было заводить друзей. На работе – сослуживцы. К ним он относился свысока. А всё свободное время проводил за этим столом. Нет, друзей у него не было. Были кумиры. Однажды он прочел книгу и неделю ходил под впечатлением. Редко я видела его таким взволнованным и возбужденным. Ему показалось особенно невероятным, что человек, написавший эту книгу, живет в доме напротив, через двор. Из его кабинета видны окна автора книги. Он вел себя глупо, как влюбленный мальчишка. «Я хочу его видеть, хочу с ним поговорить». – «Зайди, поговори. Человеку будет приятно. Купи хорошее вино и зайди». – «Нет, нет, это будет выглядеть банально, навязчиво. Надо найти общего

знакомого, который бы представил меня ему. Как ты думаешь, не будет выглядеть плебейством, если я подарю ему свою работу? Нет, нет, только не при первой встрече». В конце концов он решился. Встреча его разочаровала. Он ожидал встретить нового Достоевского, Гоголя, Чехова, какими они выглядят на парадных портретах из школьных учебников. Человек, написавший поразившую его книгу, был совершенно обычным горожанином, которого волновали базарные цены, который уныло выслушивал попреки жены и стучал чайной ложкой по батарее отопления, когда соседи не вовремя затевали ремонт. Особенно возмутила Стаса дужка очков, перемотанная медной проволокой. Когда же он узнал, что писатель, чтобы не мешать домашним, работает по ночам в ванной, и письменным столом ему служит стиральная машинка, мнение его о книге изменилось. Об авторе он отзывался не иначе как о самозванце. «У него плохие зубы», – вот и всё, что впечатлило его. Через неделю он говорил о бывшем кумире ужасные вещи. И лицо при этом у него было такое... Я даже не могу передать вам, какое у него было лицо. Ревность! Вот это слово. Он ревновал человека с плохими зубами к таланту. Никто, кроме Стаса, не имел права на талант. Со временем он признавал только себя да еще нескольких художников эпохи Возрождения. Да и то потому, что они были давно мертвы. Зачем городу и стране другие писатели, поэты и художники, когда есть он? Каждый новый талант он воспринимал как посягательство на его территорию.

– Вы так и не простили ему измены.

– Вы знакомы с художником Лаптевым? Одно время, очень короткое, они со Стасом дружили. Стас тайне считал Лаптева бездарностью и приспособленцем, поэтому Лаптев его раздражал меньше других. В свою очередь Лаптев относился к Стасу как профессионал к любителю – покровительственно и слегка снисходительно. Считал его своим учеником. Давал советы технического характера, слегка хвалил, слегка журил. Его порой пугала страсть, с которой Стас отдавался увлечению, наивным опытам любителя. Хобби. Баловству.

Лаптев – художник старой школы. Он был уверен, что настоящий художник прежде всего должен владеть ремеслом. «Вот кто такие были великие мастера прошлого? – спрашивал он и отвечал: – Все они были членами гильдии живописцев. Ремесленниками, в совершенстве знавшими свое дело. И эти ремесленники, потратившие всю жизнь на изучение тайн ремесла, приемов, создавали великие произведения искусства. Современные же художники чураются ремесла. Большинство из них попросту не умеют рисовать. Нонсенс! Сумасшествие! Но все они считают себя великими живописцами, и цель их – великие полотна. Они создают великие картины, а получают в лучшем случае детские каракули, но чаще всего жалкие копии мазни таких же выскочек-авангардистов. Что такое искусство? Это стремление к совершенству. Так? Но скажи, пожалуйста, как можно совершенствоваться в примитивизме? Неужели ты всерьез полагаешь “Черный квадрат” пределом совершенства?»

Как-то Лаптев неосторожно сказал, что сейчас для того, чтобы стать художником, достаточно назвать себя художником. А лучше сразу великим художником. К тому же он нехорошо отозвался о Михаиле Ларионове и Марке Шагале, назвав их величайшими бездарностями и гениями саморекламы. Стас вспылал. Они наговорили друг другу гадостей и вычеркнули телефоны друг друга из своих записных книжек. Навсегда.

Через год после того, как Стас ушел, я встретила Лаптева в скверике возле «Целинного». Случайно. Мы присели на скамейку. Он спросил о муже. Я ответила, что ничего о нем не знаю и знать не хочу: у него сейчас другая женщина. И Лаптев рассказал свою историю. Знаешь, когда токарь любого разряда изменяет жене, или жена изменяет ему, в народе это зовется коротким, емким словом – блудит. Но

когда великий художник, большой артист или известный поэт занимается блудом, это уважительно, с придыханием зовут великой любовью. Любовь, если она есть, случается раз и навсегда. Страсть может повторяться. Страсть можно утолить. И остается пустота – озоновая дыра в душе. Лаптев хотел утешить меня и рассказал свою историю. Он тоже влюбился в молодую женщину. И нужно было решаться уйти из семьи. Женщина, в которую он влюбился, была немкой и готовилась уехать на историческую родину. Очень странно: человек родился здесь, а родина в другом месте. Любовь была взаимной, и женщина поставила жесткое условие: если ты любишь меня, мы становимся мужем и женой и уезжаем вместе в Германию. До этого он был ослеплен страстью. Он впервые подумал о тех, кого оставлял – жене и детях. И понял, что не может их бросить. Потому что любовь несовместима с предательством. Если любовь требует предательства, это не любовь. Он остался с семьей. Он до сих пор не может забыть ту женщину, но никогда не раскаивается в своем выборе. Главное для мужчины – не стать предателем. И ради того, чтобы остаться мужчиной, можно пожертвовать любовью. И даже творчеством. Так сказал Лаптев. Возможно, не самый великий художник, но порядочный человек.

Нельзя сказать, что его слова утешили меня. Скорее всего, это было похоже на обезболивающий укол.

Внезапный, как лавина, порыв ветра нарушил золотую неподвижность осени. Листья полетели параллельно земле. Листопад был таким густым, что машины остановились, а прохожие повернулись спинами к ветру. Листья шуршали, сталкиваясь в воздухе, и светились.

Будто с куполов церковней облетала позолота.

Впечатление невероятной, невозможной красоты умирания, гениальная картина божественного импрессиониста.

Шуршание листьев перекрывало гудки ослепших автомобилей.

Нина Петровна чувствовала, как её душа сливается с этим листопадом.

Через пять минут ветер стих.

Золотые листья плотным слоем лежали на земле, крышах домов и автомобилей.

Но ни одного листика не было на деревьях.

За обнаженными скелетами деревьев обнаружили дома и горы.

Мир распахнулся пространством, открылась перспектива. Ясность, пустота и чистота осени заполнили душу Нины Петровны печальным прозрением. Она вдохнула воздух, пахнущий снегом, воздух, который принес ветер с ледников, и покатила по шуршащему золоту свою коляску с работами мужа.

До музея было всего ничего. А на душе спокойно и просто, как и у каждого человека, выполнившего свой долг.

Сентябрь 2019

СТОЯНЩИК, ХРОМОНОЖКА И ГОРГОНА МЕДУЗА

В половине двенадцатого ночи меня разбудил телефон.

– Это стоянчик, – представился звонивший незнакомец.

– Кто-кто?

– Стоянчик. Машину надо переставить.

Тут-то меня и озарило: звонит сторож с автостоянки. «Стоянщик» – неологизм. Профессия такая. Образовано от «стоянки» народом-словотворцем.

Есть у меня обычай на всякий случай прислонять к лобовому стеклу карточку с номером мобильника и вежливой надписью: «Извините, если Вам помешал мой автомобиль. Спасибо».

Привычка похвальная, но на ночь надо бы телефон отключать.

Срочной необходимости переставлять машину, скорее всего, нет. Просто таким способом ночной страж напоминает: пришло время рассчитаться. Я бы назвал это проявлением такта. Если бы не столь позднее время.

Что такое наша стоянка? Слово, за которым нет ничего. Вдоль улицы, упершись задними колесами в ребрик, стоят машины безгаражных жильцов ближайших домов. Ни разметок, ни навесов, если не считать укрытиями от осадков карагачи. Время от времени один из них под тяжестью мокрого снега или под порывами ураганного ветра падает на припаркованные средства передвижения. Слава богу, не часто.

Машины вдоль дороги стояли всегда. Бесплатно. Но однажды под фонарем появилась будка, отдаленно похожая на дачный туалет, а в будке – самозванный сторож. Стоящик. У него журнал, в который он заносит номера припаркованных машин. Его задача собирать плату – 200 тенге за ночь. Такие стоянки в боковых улочках в начале нулевых стихийно возникали по всему городу. От них исходил криминальный, как аромат анаши, душок мошенничества и коррупции. Кто-то из сильных мира сего покровительствовал «стоящикам». И не без корысти. Впрочем, людям, пережившим лихие девяностые, не нужны пространные объяснения. Им понятнее слово «крышуют». Тоже, кстати, неологизм, порожденный смутным временем.

Но наш стоящик – метр с кепкой, веселый лопухий паренек, море обаяния. Современный вариант Алдара Косе. Многие звали его Чебурашкой.

В нем весу килограммов сорок пять. Увидят злодеи такого богатыря – от смеха помрут.

На человека с такой улыбкой невозможно сердиться.

К тому же не его вина в том, что заводы позакрывались, а учеба стала платной. Половина трудоспособного населения в те времена ушла в сторожа. Извините, в секьюрити. Охранять собственность людей, своевременно разделивших общественный пирог, то есть ограбивших большинство.

Правда, наш обаятельный стоящик не очень пунктуален. Иногда он заступает на дежурство поздноватно. Иногда его застают в будке сладко спящим. Случается, что по ночам будка вообще пустует. Единственное, что он исполняет добросовестно, это взимание платы.

Когда я, зевая и потягиваясь, подошел к своему «Рено», французскому аналогу советского «Запорожца», из-под соседнего «Лексуса» сиреневой раскраски послышалось злобное рычание, перешедшее в истерический, визгливый лай.

Подошел неунывающий сторож стоянки с журналом под мышкой, протянул потную ладонь для рукопожатия.

– Сигнализация, – объяснил он. – Она всегда под этим «Лексусом» ночует. Никого к машине не подпускает.

– За ногу не тяпнет? – спросил я.

– Тяпнет. Она многим штаны порвала.

– Как же мне машину перегнать?

– Ладно уж. Пусть стоит, – разрешил сторож великодушно и, не мешкая, раскрыл журнал.

Чтобы обеспечить себе мирный сон, я, погасив долг, внес плату на неделю вперед.

– Твоя помощница? – кивнул я на соседнюю машину, из-под которой, как бы из недр просыпающегося вулкана, доносился глухой гул.

– Сигнализация? Нет. Конкурент. Только эту машину и охраняет. Даже меня не подпускает. С хозяйкой похожи. Хозяйка такая же злобная. За копейку удавится. Я к этому «Лексусу» вообще не подхожу. Не одна, так другая покусает.

- И всякий раз собака под этой машиной ночует? Она что – номер запоминает?
– Кто её знает. Может, и запоминает.

Не думаю, что собака настолько умна. Скорее всего, у каждой машины есть свой звук. Свой запах. Должно быть, этот «Лексус» пропах дорогами духами.

Наш разговор и долгое стояние разволновали Сигнализацию. В яростном негодовании она коснулась днища машины, и от легкого сотрясения «Лексус» завопил, засемотфорил.

Поднятая по тревоге, к нам бежала женщина средних лет и внушительных габаритов в накинутом на ночнушку пальто и едва ли не в домашних тапочках. По её стремительности можно было судить о крутом характере и одиночестве. Едва ли даже самый заваливающий мужчина мог отпустить в ночь спутницу жизни выяснять отношения с угонщиками. Разве что инвалид-колясочник? Ночная прическа делала её похожей на злобную горгону Медузу. В правой руке дама сжимала предмет, похожий на рапиру, оказавшийся при приближении шваброй. «Лексус» заткнулся. А мы со сторожем окаменели под взглядом его разъяренной хозяйки.

Не обратив внимания на меня, она набросилась на стоянщика:

– Ты что людям спать не даешь? Платить за неделю я тебе не буду. Сколько раз увижу на стоянке, столько и заплачу. Что не ясно? На этой неделе я тебя первый раз вижу. Вот 200 тенге и заплачу. А еще раз дотронешься до моей машины, я в полицию позвоню.

Поскольку Чебурашка, опасаясь швабры, благоразумно спрятался за мою спину, весь этот заряд ярости был выпален мне в лицо.

– Да не дотрагивался он до машины, – встал я на защиту сторожа, – это ваша собачка включила сигнализацию.

И как бы в подтверждение моих слов из-под «Лексуса» послышался подхалимский скулеж и шорох хвоста, подметающего асфальт.

Несправедливо обиженный сторож вышел из-за моей спины и пробормотал, что в таком случае за её машину он не отвечает.

Лучше бы он промолчал.

– А ты и так ни за что не отвечаешь, – накинулась на него с новой яростью горгона Медуза. – Видишь царапину на дверце? Кто за нее ответит?

Не дав охраннику времени оправдаться, она повернулась ко мне и, не меняя тона, укорила:

– А вы зачем ему платите? Только поощряете безответственность. Вот из-за таких, как вы, в стране бардак.

Я не хотел ссориться ни с миниатюрным сторожем, ни с сердитой дамой богатырского телосложения. Однако же и за бардак в стране отвечать не хотелось. И я малодушно занял беспринципную нейтральную позицию:

– Вы хотите, чтобы на моей дверце тоже появилась царапина?

Дама бросила мимолетный, но надменный взгляд на мою машину и красноречиво хмыкнула. Действительно, «Рено» рядом с роскошным «Лексусом» выглядело бедновато.

В это время из-под «Лексуса», не переставая вилять хвостом, выползла собачонка, шерстным покровом похожая на прическу разгневанной дамы. И горгона Медуза, присев на корточки спиной к нам, высыпала из пакета в одноразовую тарелку что-то до того вкусное, что я почувствовал приступ голода. Даже очень крутая женщина, сухая бизнесвумен, остается женщиной. Прихватив для общения с грабителями швабру, она не забыла угощение для своей любимицы.

Дама сюсюкала и гладила собачку, избавляя от пережитого стресса. Собачка, дрожа всем телом и торопливо поедая приношение, благодарно стучала хвостом по дверце моего «Рено». И мне открылся секрет большой собачьей любви к сиреневому «Лексусу». Секрет источал аромат бифштекса.

– Замечательная у вас Сигнализация, – сказал я. – Если позволите, я всегда буду ставить свою машину рядом с вашей.

– Хромоножка-то? – уточнила дама тоном, с которым только что сюсюкала с собачкой. – Я её домой пыталась взять. Только в квартире она жить не приучена. Привыкла быть бродяжкой. Скулит и на улицу просится. Вот и видимся только утром да вечером.

– И как же вы с ней подружились?

– Машина её сбила. Водитель остановился, оттащил её на обочину и уехал. А я как раз выезжать собиралась. Подошла. А она смотрит на меня. Так смотрит... Не передать, как смотрит. Короче говоря, положила я её в салон и отвезла в ветлечебницу. Операцию сделали. Больше недели она там лежала. Выжила. Только прихрамывает на заднюю ножку.

– Много взяли за операцию? – спросил охранник.

– Да разве в этом дело? – отвечала дама сердито, поглаживая за ухом собачку. – Сделал добро – брось в реку. На небесах зачтется. Хотя собаки, в отличие от людей, добро помнят. И всегда платят за добро любовью.

Печаль послышалась в её голосе. Я посмотрел на лицо женщины и подумал с сочувствием, что с любовью у нее, должно быть, большие проблемы.

– Вот так и сложился наш симбиоз: я, машина, Хромоножка. Мы с машиной спасли её от смерти. И мне, и машине она платит любовью. Охраняет нас.

Покой и умиротворение слышались в её голосе. Горгона Медуза после общения с Хромоножкой превратилась в смиренную мать Терезу.

В следующий раз хозяйку «Лексуса» я увидел в начале мая. Она и дворник Горыныч стояли в сухом арыке и заглядывали в трубу, проложенную под дорогой. Из трубы доносился щенячий писк.

– Не достать нам этих детей подземелья, – размышлял вслух Горыныч, попыхая дешевой сигаретой, – метла коротка, а в трубу человек не пролезет. Разве что мальчишка? Так покусает же спасителя.

– Что же делать? – волновалась женщина.

Вопрос этот остался без ответа. Горынычем овладел дух пророчества:

– Случись ливень, потонут вместе с мамкой.

Слова эти даму не утешили. Сложив губы трубочкой, она неумело засвистала.

Из ливневой канализации выглянула Хромоножка и зарычала на дворника.

– Мать, – объяснил её поведение Горыныч. – Сама погибнет, а детей не бросит. Прогноз не смотрели? Ливни не обещают?

Дама выразительно посмотрела на дворника, и тот, стусевавшись, продолжил утешительную речь:

– А может, и к лучшему. Потонут, пока слепые – и в собачий рай. Какая их жизнь ждет? Одно слово – бомжи.

Дама между тем уговаривала Хромоножку вынести из трубы своих щенят, обещая устроить для них рай на земле.

– А может быть, их дымом из трубы выкурить? – призадумался Горыныч, выпрямившись и опершись на метлу из степной травы чи. При этом выдохнул клуб дыма размером с небольшое облако.

Дама снова испепелила его взглядом, и Горыныч, осознав нелепость своего предложения, пробормотал в смущении:

– Хотя, конечно. Слепыши.

Я опаздывал на службу и не стал дожидаться начала спасательной операции.

Всё взаимосвязано в природе. Материнский инстинкт, заставивший Хромоножку спрятать своих детей в трубе ливневой канализации и покинуть сторожевой пост, самым печальным образом отразился на сиреневом «Лексусе».

Воскресным утром в девятом часу подошел я к стоянке и увидел небольшую, но шумную толпу, окружившую машину горгоны Медузы.

Машина стояла на кирпичках. Без колес.

– И что – сигнализация не сработала? – спросил я мрачную хозяйку.

Окаменевшая женщина на меня даже не посмотрела. В руке её был пакет. Мне почудилась в пакете отрубленная голова злодея. Настолько был грозен и зловец вид дамы.

– Не смешите, – ответил за нее один из зрителей, – для профессионала отключить сигнализацию не проблема. А здесь не лохи поработали. Колеса-то новые?

– Месяца не прошло, как переобулась, – ответил за хозяйку другой зритель. Потерпевшая участия в разговоре не принимала.

– Кого ждем? Полицию вызвали? – спросили из толпы.

И толпа ответила:

– Вызвали. За стоянщиком поехали.

– Чебурашка? Думаете? Да ладно... Хотя у каждого Чебурашки свой крокодил Гена.

При появлении сторожа и полицейского горгона Медуза наконец обрела дар речи:

– Ты мне за всё ответишь, мерзавец. До копейки с тебя спрошу. И моральный ущерб оплатишь. И царапину. Посмотрите на него – улыбается. Весело тебе? Веселись, веселись, как бы плакать не пришлось.

Наш лопухий охранник действительно улыбался. Хотя особого злорадства в улыбке не было. Скорее всего, так уж были устроены его лицевые мышцы. Он улыбался всегда. Он не мог не улыбаться даже под испепеляющим взглядом горгоны Медузы.

– С шести вечера до шести утра колеса были, – отвечал охранник слегка дрожащим, но вполне спокойным голосом, – а что случилось после шести утра, меня не касается.

Толпа, состоящая в основном из безгаражных автовладельцев, загудела. Но гул возмущения перекрыл резкий сигнал поливочной машины. Все побежали за ребрик, перепрыгнули через арык и укрылись за стволами карагачей.

Упругие струи смыли грязь с асфальта под машины, увлажнили воздух и слегка охладили пыл автовладельцев.

– Вы заключили договор на охрану машины? – спросил полицейский потерпевшую.

И толпа вразной: какой договор?

– Как же так, граждане? Вы что – дети малые? Как вы собираетесь взыскать ущерб? С кого? На каком основании? А квитанции за оплату у вас хотя бы есть?

И толпа, и потерпевшая промолчали в смущении.

Только кто-то из юридически непросвещенной толпы, не желая быть лохом, громким шепотом высказал разочарование, перевел стрелки:

– Все они заодно. Одна шайка.

Полицейский, мудро пропустив замечание мимо ушей, спросил:

– Может быть, кто-то из вас видел преступников? Может быть, кто-то может подтвердить или опровергнуть утверждение охранника автостоянки о том, что с шести вечера до шести утра колеса на машине были?

Толпа безмолвствовала.

Полицейский захлопнул блокнот, в которой не сделал ни одной записи, и сказал:

– Ну что же. Проведем опрос жильцов квартир, окна которых выходят на стоянку. Может быть, кто-то что-то и видел. Авторынки проверим. Но...

– Кто что охраняет, то и ворует, – подсказали ему из толпы.

– И эту версию проверим.

Все разошлись. У бесколесного «Лексуса» остались его хозяйка, я и понурый охранник.

– Если вам нужно съездить на авторынок или в шиномонтаж, я готов, – предложил я свои услуги.

– Спасибо, – ответила она холодно, – у меня есть к кому обратиться.

Подбежала худющая Хромоножка с красными, набухшими молоком сосками. В пакете была не голова злодея, а еда для собачки.

Пока дама кормила её, охранник пытался уверить горгону Медузу в том, что с шести до шести колеса на «Лексусе» были. Но ничем доказать это не мог. И только повторял:

– Я правду говорю. Поверьте.

Дама молчала, всем видом своим показывая презрение.

Хромоножка, насытившись, засемила, прихрамывая, к щенкам. Мы провожали её взглядами. Миновав трубу ливневой канализации, собачка направилась к будке сторожа и исчезла под ней.

– Всю ночь в трубе пищали, – объяснил охранник. – Всю душу вымотали. Пришлось утром сползть в трубу. Она их на самой середине дороги спрятала. Чуть не застрял. Страху натерпелся. С одного конца влез, с другого вылез. Четыре щенка родила. Под будкой всё лучше, чем в трубе.

От себя добавлю: на следующий день разразился ливень. За сутки выпала месячная норма осадков. Улицы города превратились в реки. Ливневая канализация не справлялась с потоками воды.

Колеса, конечно, не нашли. И это понятно. Чудес не бывает.

Но история на этом не закончилась.

После спасения щенков горгона Медуза отозвала заявление, и наш веселый миниатюрный стоящик сохранил свое место.

Я сказал, чудес не бывает? Поторопился.

Как-то я зашел в будку оплатить очередную неделю и застал сторожа в слезах. Он даже плакал, улыбаясь. Я спросил, что случилось, и он ответил, промокая ладонями глаза: жена в больнице, надо делать операцию на почке. Операция платная. Денег нет.

Я потоптался, посочувствовал, оплатил стоянку на месяц вперед и ушел, не взяв расписку, но, тем не менее, чувствуя вину. Хотя есть ли вина в том, что человек живет от зарплаты до зарплаты?

То, что случилось потом, передаю со слов дворника Горыныча.

Кратко, чтобы не впасть в грех сентиментальности.

Узнав о беде, горгона Медуза усадила стоящика в машину и повезла в больницу. Поговорила с его женой, встретилась с лечащим врачом, с хирургом, пошла в кассу и оплатила операцию, а также послеоперационный уход за больной.

Насколько успешно прошла операция, сказать не могу.

Вскоре будку охранника убрали. И не только у нас – по всему городу.

Парковка снова стала бесплатной.

Каюсь, я плохо думал о горгоне Медузе, и после рассказа Горыныча искал случая выразить ей свое восхищение.

Но сиреневый «Лексус» на парковке больше не встречал.

Хозяйка его, по всему видно, женщина деловая и состоятельная, возможно, сменила машину или купила гараж. Но поскольку вместе с сиреневым «Лексусом» исчезла и Хромоножка, я склоняюсь к мысли, что дама с испепеляющим взглядом горгоны Медузы переехала в другой, более престижный район.

Горыныч сообщил, что звали ее Венерой. Богиней любви.

Это всё, что я узнал о ней.